

К ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОМУ ОБОСНОВАНИЮ СИМВОЛА В ЛИНГВИСТИКЕ

А.А.Романовская

Минск, Беларусь

Summary: In the present article the problem of symbol is examined in its linguistic, semiotic and communicative aspects.

1. Символ в отношении к лингвистике

Понятие «символ» довольно широко представлено в современных терминологических словарях по лингвистике, но его трактовка отличается, как правило, многозначностью и противоречивостью. Это можно объяснить, прежде всего, объективной сложностью его содержания. В терминологической лексикографии не обнаруживается единства в понимании символа. Препятствием на пути решения этого вопроса, если выразить ответ в самой общей форме, лежит непримиримость семиотических подходов Ч.Пирса и Ф.де Соссюра, с именами которых в первую очередь связывается разработка этого понятия в лингвистической терминологии. Сфера терминологии, несомненно, очень важна для эпистемологии проблемы, но к ней не сводятся все возможные способы теоретического продвижения. Терминологическая лексикография стремится скорее зафиксировать уровень понимания проблемы в той или иной научной школе на определенный отрезок времени, чем описать дополнительные пути поиска, охарактеризовать динамику споров и оценить новые видения проблемы. С этой точки зрения, активное осмысление понятия символа продолжалось в исследовательской практике как у нас, так и за рубежом. При этом весьма полезными для нас являются не только собственно лингвистические или семиотические источники, но и результаты, полученные в рамках других направлений и дисциплин, таких, например, как философские концепции или литературоведческие подходы, особенно в связи с задачами анализа художественного текста. Важно учитывать то, что это понятие пришло в лингвистический обиход из разных теоретических, причем не только лингвистических, источников и относительно недавно. Характерно, например, что в словаре Ж.Марузо [Марузо 2004], достаточно полно отражающем лингвистическую терминологию первой половины XX века, ему вообще не нашлось места.

Показательно и то, что «Словарь американской лингвистической терминологии» Э.Хэмп, хронологически соотносимый со словарем Марузо, регистрирует «символ» лишь в таком значении, которое в нынешнем его употреблении представляется далеко не главным: «Приметы, или группы примет, условно представляющие какую-либо языковую форму» [Хэмп 1964: 190]. У Л.Блумфилда, на которого ссылается словарь, это расплывчатое определение относится к особым, получающим символическое истолкование фонетико-семантическим корреляциям типа *flap – flip – flop*. В этом фонетико-семантическом образовании значение «удар» определяет-

ся, в зависимости от характера гласной, либо как основное, то есть нейтральное (*flap*), либо как оценочное, с разной степенью интенсивности: «слабее» (*flip*) и «сильнее» (*flop*) [Блумфилд 1968: 264].

Аналогичный подход, в духе концепций О.Есперсена и Л.Шпитцера, наблюдается позднее и в европейской терминологии. Так, «Dictionnaire de linguistique», опубликованный группой французских авторов в 1973 г., указывает на такую гипотетически возможную связь между словом и обозначаемым объектом, при которой сами звуки обладают «коннотативной или денотативной семантической значимостью». Предполагается, например, что существует отношение между акустическим содержанием гласного [i] и представлением о маленьких предметах [Dubois 1973: 473] (ср. выше *flip*, а также, как это указано в [Carreter 1974: 191], испанские ласкательно-уменьшительные суффиксы *-ico-*, *-ito-*).

Многочисленные подобные наблюдения по разным языкам послужили основой для формирования теории звукового символизма, активная разработка которой приходится на 70-80 годы XX века. Более того, благодаря выявленным широким связям этой теории с задачами изучения детской речи, психолингвистики, фонологической типологии и др., а также с учетом наметившихся в ее рамках перспективных направлений фоносемантики [ЛЭС 1990: 166] и фоностилистики, в первую очередь поэтической, все более четко определяется тенденция к развертыванию проблематики звукового символизма в качестве особой лингвистической дисциплины. Для такого развития есть и серьезное дополнительное основание в виде длительной научной традиции, корнями своими уходящей в античную философию (Платон) и питаемой различными концепциями происхождения языка в эпоху Просвещения (Ж.-Ж.Руссо) и более близкого нам времени (М.В.Ломоносов, В. фон Гумбольдт).

Может показаться парадоксальным тот факт, что теория звукосимволизма, довольно рано укрепившись в лингвистической терминологии, в то же время неохотно пользуется самим термином «символ». В самом деле, словарные статьи, посвященные звукосимволизму, обычно обходятся без этого, казалось бы, базового термина (см., например, «Словарь лингвистических терминов» О.С.Ахмановой [Ахманова 1969: 404] или «Lexikon der Sprachwissenschaft» Х.Бусманн [Bussmann 1983: 286]). Этот термин отсутствует даже в относительно пространной статье по звукосимволизму в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС 1990: 166]. В этом смысле цитированный выше словарь Хэмпа представляет собой редкое исключение. Складывается впечатление, что в содержании термина «символ» имеются некоторые свойства, которые как бы противятся такому использованию. Представляется, что в случае теории звукосимволизма в центре проблемы оказывается такое соотношение значения и формы, которое с трудом связывается с идеей выделения особых дискретных единиц. В самом деле, если согласный [г], например, ассоциируется с представлением о чем-то опасном и, следовательно, негативном, то это отношение эксплицируется непременно на лексических фактах (ср. *гроза*, *рык*, *гроб* и т.п.). Часто привлекаемые в таких случаях типологические критерии, свидетельствующие об универсальном характере этого явления,

укрепляют гипотезу, не изменяя ее существа. Иначе говоря, в отношении звукового символизма не удастся, может быть пока, выделить такие единицы, которые имели бы автономный характер и не связывались бы в обязательном порядке с лексической формой. На такую роль обозначение «символ», очевидно, мало пригодно, так как, в соответствии с длительной исторической традицией, его содержание ассоциировалось именно со словесным выражением. При этом звуковая сторона символа оказывалась принципиально нерелевантной для его структуры и основных функций. А на вопрос о том, в каком плане современная лингвистика рассматривает или склонна рассматривать структурно-функциональные особенности символа, терминологические словари дают сегодня если не исчерпывающий и не всегда совпадающий в деталях, то в целом достаточно определенный ответ. Если судить по данным общей лексикографии и отвлечься от несущественных различий в том, что касается выделения некоторых частных смыслов и построения словарной статьи, то можно констатировать, что в европейской культуре обиходное употребление «символа» связывается с двумя-тремя основными значениями. Прежде всего это значение, которое представлено, например, в «Словаре русского языка» [СРЯ 1988: 93]: «Предмет, действие и т.п., служащие условным обозначением какого-либо понятия, идеи». Это определение носит слишком общий характер, под него фактически подводится понятие знака. Во французском словаре указание на условность обозначения конкретизируется: «Ce qui représente autre chose en vertu d'une correspondance analogique» [Robert 1973: 1729]. Англоязычный словарь еще более расширяет содержание определения, но принципиально не изменяет его: «Something that stands for or suggests something else by reason of relationship, association, convention, or accidental but not intentional resemblance» [Webster's 1976: 2316]. Приводимые в словарях иллюстрации подчеркивают сходство их позиций: «Белый голубь – символ мира» [СРЯ 1988: 93], «La colombe, symbole de la paix» [Robert 1973: 1729] или «The lion is the symbol of courage» [Webster's 1976: 2316].

Указанное значение более всего соответствует признакам нейтрального стиля языка. Другие два значения, постоянно регистрируемые словарями, отличаются скорее специфическими характеристиками. Одно из них отсылает к представлению о краткой формуле какого-либо мировоззрения или доктрины, особенно в отношении христианских догматов. Второе значение связано с условными обозначениями, например буквенными, принятыми в разных науках, искусстве, спорте, других видах деятельности (математике, химии, логике, музыке, шахматах и т.п.).

На фоне вышеуказанных трех значений, постоянно регистрируемых в словарях разных языков, выделяются и такие, которые носят индивидуальный характер и которые мотивируются в значительной мере какой-то особенностью соответствующей культуры. При ближайшем рассмотрении каждое из этих значений, при известных условиях, может быть включено в вышеприведенные константные определения. Так, словарь Вебстера приводит значение «A conventional or nonnatural sign depending for its meaning on an interpretant – contrasted with icon and index» [Webster's 1976: 2316], которое, очевидно, отсылает к знаковой концепции американского логика

и философа Ч.Пирса и которое, по существу, коррелирует в некоторой части с первым и вторым константными определениями символа в том же словаре.

В русской лексикографической традиции принято особо выделять значение, связанное с художественно-выразительной функцией символа – «Художественный образ, условно передающий какую-либо мысль, идею, переживание» [СРЯ 1988: 93], а также «Художественный образ, в котором условно выражены идеи и переживания, преимущественно мистические (лит., искус.)» [Ушаков 2000: 181]. В качестве иллюстрации здесь фигурируют онимы мифологического или фольклорного характера: Прометей, Сатана, Геракл, Святогор, Круг, Колесо, Пальмовая ветвь. Но, строго говоря, нет каких-либо теоретических препятствий к тому, чтобы включить эту формулировку в первое константное, более общее определение: «Что-либо, служащее условным определением какого-либо понятия, идеи». То же можно сказать относительно определения символа, содержащегося в словаре французского языка Робера: «Personne qui incarne, qui personnifie de façon exemplaire» [Robert 1973: 1729]. Как правило, понятие символа трактуется ими в связи с семиотическими концепциями Ч.Пирса и Ф.де Соссюра. Первый вопрос, который естественно при этом возникает, это вопрос об отношении понятия символа к базовому понятию семиотики – знаку.

2. Символ в отношении к семиотике

Термин «символ» занимает важное место в теории Пирса: в его классификации символы противопоставляются двум другим категориям знаков – иконическим и индексальным. Если иконический знак отличается отношением подобия между означающим и означаемым, то для индексального знака отношение подобия заменяется на отношение смежности. Так, фотографический снимок человека, отражающий реальное сходство объекта и изображения, трактуется как иконический знак. А какая-либо деталь, взятая в качестве означающего для всего объекта, выступает уже в качестве знака индексального (например, изображение самолета в качестве знака аэропорта). Что же касается знака-символа, то для его структуры характерно отсутствие какой-либо действительной связи между означающим и означаемым. Изображение треугольника с красной окантовкой в качестве дорожного знака опасности, например, является чисто конвенциональным, принятым по соглашению знаком. Какая-либо связь между означающим и означаемым, кроме той, что устанавливается по соглашению в данной культуре, в этом знаке отсутствует. Знак-символ лишен референтной мотивированности.

Необходимо сразу же предупредить, что в соссюрском понимании термин «символ» резко отличается от его содержания у Пирса. Во-первых, символ для Соссюра представляет собой мотивированное обозначение, ибо символ никогда не бывает полностью произвольным, между означающим и означаемым у него «имеется рудимент естественной связи». Таковым, например, является символ справедливости в виде весов – «его нельзя заменить каким-либо другим предметом, например, колесницей». Во-вторых, – и это особенно важно – Соссюр вообще отказывает символу

в праве быть знаком, именно в силу наличия у него мотивированности. В его теории знак принципиально конвенционален, немотивирован. Но если символ не является знаком, то закономерно поставить вопрос: в каком же отношении символ находится к языку, какое место занимает он в его системе? Чем же он, в конце концов, является? У Соссюра мы не находим ответа на этот вопрос.

Из этого факта вытекают небезыңтересные следствия для терминологических, особенно романских словарей по лингвистике. Намечается несколько способов разрешения этой коллизии. Один из них заключается в том, чтобы при интерпретации символа занять четкую позицию либо в пользу Соссюра, либо в пользу Пирса, не пытаясь объединить или хотя бы сопоставить их концепции. Таким путем, например, идет словарь Каррете-ра, в котором проводится строго соссюрская точка зрения [Carreter 1974: 369]. Иными словами, понятие символа изымается из метаязыка знаковой теории, а вопрос о том, чем же в таком случае является символ, не ставится.

Противоположный, ориентированный на семиотику Пирса подход обнаруживается в словаре Х.Бусманн. Здесь символ определяется только как строго конвенциональный знак в отличие от иконического и индексального знаков [Bussmann 1983: 522]. По существу такой же позиции придерживается словарь Ж.Мунена [Mounin 1974: 314], в котором «символ» определяется в соответствии с его «англо-саксонским употреблением». Ссылка на Соссюра здесь не должна смущать, так как его понимание символа рассматривается вне семиотических критериев, всего лишь как «репрезентация». При этом подчеркивается, что для соссюрского «символа», как правило, характерна хотя бы частичная мотивированность по принципу аналогии и, следовательно, в этом случае мы имеем дело фактически с иконическим знаком, по Пирсу.

Использование слова «репрезентация» в данном случае, разумеется, не случайно. Ориентированное на отвлеченное, широкое значение, оно не исключает понятие «символ» из сферы отношений языка и действительности, сохраняя за ним способность замещать, быть «на месте чего-то другого». Но что это за функция, чем она отличается от знаковой, остается непроясненным.

Такое положение можно объяснить известным замешательством, которое испытывают прежде всего авторы французских терминологических словарей перед лицом двух весьма авторитетных, но столь различных в понимании и применении термина «символ» концепций. Отказаться от фундаментальной теории Пирса значило бы пойти наперекор всей современной мировой семиотике. Решиться на такой шаг и последовать в этом отношении примеру пятидесятилетней давности Каррете-ра в современных условиях невозможно. Но и пример Х.Бусманн оказывается для них неприемлемым – очевидно, слишком значителен в национальном смысле для франкоязычной лингвистической терминологии научный вес Соссюра, который к тому же, в отличие от философско-логической направленности учения Пирса, предложил свою семиологию в значительной мере в интересах языкознания.

Но вряд ли можно согласиться и с попыткой механического объединения этих двух подходов в рамках общей модели, как это видно на примере словаря Дюбуа, в котором сосюрская иллюстрация *la balance comme symbole de la justice* объявляется лишенной конвенциональности и отвечающей якобы критериям символа, по Пирсу [Пирс 2000: 223-224]. По существу эти терминологические подходы несовместимы, такого рода попытки нельзя признать удачными.

Любопытна ситуация с положением символа в отечественной лингвистической терминологии. Словарь О.С.Ахмановой определяет его следующим образом: «Знак, связь (связанность) которого с данным референтом является мотивированной». Несмотря на краткость определения, его содержание чрезвычайно информативно. Оно, по существу, отрицает как пирсовскую, так и сосюрскую формулировку. Действительно, если предположить, что здесь представлено понимание символа по Пирсу, то он не может быть мотивированным. В плане вербальной семиотики ономастические слова типа *жуужжать*, *шуришать* могут интерпретироваться как референтно мотивированные, но, по Пирсу, здесь мы имеем дело с иконическими признаками, а не с символическими. Если же исходить из критериев Соссюра, то, в силу приписываемой ему в определении Ахмановой мотивированности, символ не может быть знаком. Позиция Ахмановой, таким образом, оказалась за пределами охарактеризованной выше дискуссии по поводу природы символа. Как мы стараемся показать, в западной и отечественной лингвистике накапливаются аргументы в пользу именно такой позиции, но, очевидно, ко времени выхода словаря Ахмановой они не были еще достаточно отрефлексированы. По этой же причине, полагаем, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», одном из наиболее основательных терминологических собраний, выпущенном в свет Институтом языкознания АН СССР в 1990 г., «символ» не имеет специальной статьи, фигурируя в нем лишь на правых «частного» термина при описании других, как можно понять, более важных, «родовых» понятий.

3. Символ в отношении к коммуникации

Если в лингвистических терминологических словарях «символ» не нашел четко определенного места, то этому слову, как правило, уделяется большое внимание в исследованиях языка, ориентированных на семиотический подход или на его художественно-эстетические функции. У.Эко, например, указывает на «символ», наравне со «знаком», «означаемым», «метафорой» и «кодом», как на одно из наиболее дебатированных понятий семиотики [Есо 1988: 9]. Для Н.Д.Арутюновой «Знак и символ – ключевые слова (классификаторы) общесемиотического лексикона». Но если они претендуют в этом лексиконе «на роль ... родового термина» [Арутюнова 1999: 341], то понятно, что изучение соотношения этих терминов в содержательном смысле представляет собой важную задачу.

При этом возникают два вопроса общего характера: 1) можно ли в принципе понятие символа отождествить с понятием знака и 2) какое определение, в зависимости от ответа на первый вопрос, можно дать символу. Оба эти вопроса оказались достаточно сложными.

В первом случае для европейской лингвистики трудность объясняется авторитетом Соссюра, который исходил из строгого критерия конвенциональности и денотативности знака и потому выводил понятие символа за пределы семиотики (семиологии) в силу его иконичности и коннотативной ориентированности (весы как обозначение справедливости). Хотя позже коннотативная сторона языка стала предметом активного интереса со стороны лингвистов и семиотиков, авторитет Соссюра долго оказывал тормозящее воздействие на решение вопроса. Л.Ельмслев, например, отдавал отчет в важности коннотативной семантики, но, в силу устоявшегося подхода, исключал ее из предмета лингвистики. По существу то же мы видим у Р.Барта, который рассматривал свои «Мифологии» сквозь призму транслингвистики. Весьма показательна с этой точки зрения позиция А.-Ж.Греймаса и Ж.Курте, которые в своей работе «Семиотика. Толковый словарь речевой деятельности» интерпретируют понятие символа прежде всего в плане соссюрских постулатов. Это проявляется, в частности, в недоверии к коннотации, которая, по их мнению, еще слишком плохо изучена, чтобы она могла участвовать в знакообразовании. «Пока, – пишут они, – в семиотике следует избегать использования этого двусмысленного и синкретичного термина» [Greimas, Courtés 1993: 373]. Однако по мере того как укреплялась вторая волна семиотики и вместе с ней все более и более объектом ее становилось высказывание, а не дискретные единицы с денотативным, прямым значением, коннотация становится предметом более пристального внимания ученых именно в плане ее знаковых возможностей. В целом такого же мнения придерживается Ю.М.Лотман. Указав – в соответствии с общим тезисом – на то, что символ характеризуется наличием иконического элемента, он видит в его содержании также возможность реализации не только индексальных, но и конвенциональных признаков. В итоге Лотман констатирует, что символ выступает как бы конденсатором всех принципов знаковости [Лотман 2001: 249].

Все вышесказанное характеризует понятие символа с самых общих позиций, преимущественно в плане сопоставления его с понятием знака. Это, конечно, не может претендовать на хотя бы приблизительное определение символа. То, что символ есть знак, всего лишь отсылает к определению знака, но не дает определения собственно символа. Если, разумеется, не считать, что символ все же имеет что-то такое, что отличает его от знака. Но здесь мы оказываемся перед лицом любопытной ситуации: в исследовательских работах, специально посвященных понятию символа либо анализу текстов, в которых символические средства играют особо значительную роль, авторы, как правило, избегают давать определение символа. Показательна в этом отношении практика В.В.Виноградова. В работе «О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития пророка Аввакума» он обращается к определению символа в формулировке А.Сеше: «Le symbole n'est pas un signe arbitrairement choisi pour correspondre à une idée préexistante, mais la condition psychologique, à savoir la formation d'une idée verbale» [цит. по: Виноградов 2003: 196-197]. Отвлекаясь от дискуссии, которая имела место впоследствии по поводу позиций Виноградова, подчеркнем лишь, что у А.Сеше и, следовательно, у В.В.Виноградова форму-

лировка носит, с одной стороны, слишком общий (в том, что касается отношения к знаку), а с другой стороны, ограничительный характер (поскольку речь идет, по существу, только об индивидуальном использовании символов и к тому же лишь в вербальной форме). Хотя это определение, на фоне анализа «Жития» и в последующем текстов А.Ахматовой, очевидно, отвечает потребностям операционального порядка и представляется достаточно адекватным задачам изучения данного художественного материала, оно, разумеется, не может быть принято в качестве определения символа, сущность которого даже при первом рассмотрении оказывается гораздо более сложной и многогранной. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется то, что в работе «О поэзии Анны Ахматовой» понятие символа раскрывается путем анализа его свойств в сопоставлении с понятием лексемы [Виноградов 2003: 282]. Иными словами, в сущности, понятие символа раскрывается описательно, в наборе свойств, которые исследователю представляются релевантными.

Описательного принципа в целом придерживается и А.Ф.Лосев, когда он оказывается свободным от необходимости следовать жестким дефиниционным требованиям специального терминологического издания, такого, например, как «Философская энциклопедия». Но в самой большой своей исследовательской работе, специально посвященной символу в искусстве, он, по существу, отказывается от попытки предложить определение этому понятию, предпочитая дать, с одной стороны, развернутое описание многообразных свойств и категорий символа и, с другой стороны, чрезвычайно подробную сводку дефиниций символа из длинного перечня отечественных, в том числе дореволюционных, и зарубежных энциклопедий и терминологических (лингвистических, философских, литературоведческих) словарей [Лосев 1976]. Но все это обилие материала убеждает лишь в том, что если можно принять какую-то удовлетворяющую требованиям дефиниции формулировку, то она оказывается настолько широкой, что, по существу совпадая нередко с определением знака, теряет свой *raison d'être*. С другой стороны, иные попытки выделяют в содержании понятия символа такие моменты, которые сами по себе, может быть, не вызывают возражения, но не могут быть приняты в качестве определения из-за чрезмерно специфического, частного характера признаков, составляющих определение.

В современной лингвистической теории не ослабевают интерес к познанию природы символа, при этом внимание уделяется соотношению символа с другими единицами системы языка. Так, В.Т.Клоков исследует символ в сопоставлении со словом. Ученый по существу отождествляет понятия слова и символа, указывая на их генетическое родство [Клоков 1998: 25]. Слово и символ представляют собой знаки, которые воспринимаются чувственно, зрительно и на слух, замещают другой предмет и используются для производства, передачи и хранения информации. Вместе с тем В.Т.Клоков видит и различия на уровне семантических характеристик. Главной особенностью символа является необычайная концентрация его содержания [Клоков 1998: 4]. Ц.Тодоров также указывает на то, что у символа означаемое выходит за рамки означающего [Todorov 1977: 291]. А

это уже есть приближение символа к метафоре [подробнее см.: Романовская 2007].

Анализируя большое число подобных подходов, У.Эко отмечает объективную сложность проблемы и заключает, что найти исчерпывающее определение символа, способное удовлетворить совершенно разные ракурсы видения проблемы – лингвистические, философские, искусствоведческие и прочие, – по существу невозможно, но можно описать семантико-прагматическое ядро в содержании символа, или символический модус. Предполагается, что символический модус представляет собой особую величину, возникающую в широко понимаемом тексте в результате взаимодействия двух факторов: созидания (*invention*) нового либо уже известного, но адаптированного к новой практике семиотического элемента – и признания (*reconnaissance*) [Есо 1988: 236]. Так, тележное колесо может быть представлено и признано как выражение круглообразности, способности уходить в бесконечность в заданном направлении, равноудаленности любой точки на окружности от центра... В нем можно также видеть символическое выражение времени, божественности, вечного возвращения, циклического характера чередования жизни и смерти, времен года... В качестве такого примера, наполненного глубоким символическим смыслом, можно привести Колесо жизни – иконическое изображение (настенная роспись) в церкви Св. Рождества Иисуса Христа (Арбанаси, Болгария).

Принципиально близкую позицию занимает Ю.М.Лотман. Он, по существу, также отказывается от попытки дать общее определение символу, полагая, что, имея в виду всю сложность этого понятия, целесообразно решать эту проблему применительно к частным задачам, ибо «природа механизмов», на основе которых создается и используется символический объект в самых разных знаковых системах, «исключительно трудно сводится к какому-нибудь инварианту» [Лотман 2001: 240]. Поэтому, по мнению Лотмана, символ может получать определение в зависимости от специфики каждой частной семиотической системы, в которой он имеет обращение: «даже если мы не знаем, что такое символ, каждая система знает, что такое «ее символ», и нуждается в нем для работы семиотической структуры» [Лотман 2001: 240]. Фактически к таким же выводам приходит Ц.Тодоров в книге, специально посвященной проблеме символа [Todorov 1977]. В своеобразной перекличке с Ю.М.Лотманом он исходит из идеи множественности подходов к понятию символа, демонстрируя это не только на богатом историческом материале, но и на основе анализа современных концепций в сфере гуманитарных наук. С этой точки зрения весьма информативно название этой книги – не теория, а «Теории символа», чем подчеркивается плюралистический ракурс проблемы и в плане концептуального многообразия, и в плане специфичности природы символа в зависимости от условий его бытования.

Таким образом, в исследовательских работах внимание авторов переходит с проблемы определения символа, которая теряет актуальность, на проблему изучения его свойств и его поведения в определенных сферах общения. Иными словами, основные усилия авторов направляются прежде всего на описание онтологической природы функций символа.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1999 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Ахманова 1969 – *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Блумфилд 1968 – *Блумфилд Л.* Язык. М., 1968.
- Виноградов 2003 – *Виноградов В.В.* Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М., 2003.
- Клоков 1998 – *Клоков В.Т.* Символика и язык. Саратов, 1998.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Лосев 1976 – *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976.
- Лотман 2001 – *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2001.
- Марузо 2004 – *Марузо Ж.* Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
- Пирс 2000 – *Пирс Ч.* Начала прагматизма. СПб., 2000.
- Романовская 2007 – *Романовская А.А.* Символ и метафора. Минск, 2007.
- Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 4. М., 1988.
- Толковый словарь русского языка Д.Н.Ушакова. Т. 4. М., 2000.
- Хэмп 1964 – *Хэмп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964.
- Bussmann 1983 – *Bussmann H.* Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 1983.
- Carreter 1974 – *Carreter L.F.* Diccionario de términos filológicos. – Tercera edición corregida. Madrid, 1974.
- Dubois 1973 – *Dubois J.* Dictionnaire de linguistique. Paris, 1973.
- Eco 1988 – *Eco U.* Sémiotique et philosophie du langage. Paris, 1988.
- Greimas, Courtés 1993 – *Greimas A.J., Courtés J.* Sémiotique. Dictionnaire Raisonné de la théorie du langage. Paris, 1993.
- Mounin 1974 – *Mounin G.* Dictionnaire de la linguistique. Paris, 1974.
- Robert 1973 – *Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 1973.
- Todorov 1977 – *Todorov T.* Théories du symbole. Paris, 1977.
- Webster's 1976 – *Webster's.* Third New International Dictionary of the English Language. V. 3. Chicago, 1976.